

СЕРГЕЙ ЕВЕЛЕВ

К О Р О Т К И Е
П Ъ С Ы
Е

ДЛЯ
СТИХОВ
БЕЗ
ОРКЕСТРА

Сергей Евелев

Сергей Евелев
Короткие пьесы
для
стихов без оркестра

**КОРОТКИЕ ПЬЕСЫ ДЛЯ СТИХОВ БЕЗ
ОРКЕСТРА**

Каждая семья — это комедия. Каждый день — это трагедия. Каждое решение — это драма. И так всегда и во всём. С первого дня нашей жизни — и до последнего. Вот об этом стихи в нашем сборнике. Каждый из них — попытка схватить момент, заставить замереть и расписать его, как холст, превратив в картину. Расписать ярко, чтобы он заискрился, задышал. Это зеркало, в котором каждый, кто не побоится, сможет увидеть себя. Кто-то в отражении себе понравится, а кто-то, возможно, и нет. А кто-то увидит строгого папу, грустную маму, трогательного сына, деда в папахе или тётку по материнской линии...

Но давайте не будем крушить зеркала, а просто посмеёмся или поплачем над тем, что было, или над тем, чего не было. Пусть внутри включится печка, а вокруг — зима и холодно. А нам уютно тут, на диване, под пледом, с книжечкой стихов в руках — как будто бы друг пишет из далёкой страны нашей юности.

И давайте вспомним. Ведь так чудесно вспоминать и ощущать на лице дуновение робкого поцелуя и тёплое дыхание. Как волшебно переживать, расстраиваться, зажигаться, потухать — и жить. Потому что жизнь — это ведь так неповторимо и здорово!

Я долго думал о том, кто может написать вступительную статью к моей книге. Говорил даже с некоторыми поэтами, писателями. Но они, узнав, что я не маститый автор, не почётный член союза писателей и поэтов всех стран и народов, не получил ещё Нобелевскую премию по литературе и не печатался неоднократно в самых престижных изданиях, не написал книгу скандальных разоблачений, после чего скрылся и меня ищет Интерпол, как-то снижали. Некоторые, правда, сникая, успевали попросить много денег за то, чтобы они снизили. Хотя стихи почитать никто из них не просил. То ли они терпеть не могут стихи, то ли любят, но исключительно свои.

И тут я подумал: а почему бы мне самому не написать её? Стихи мои, издаю книжку я, вот сам и поделюсь тем, что я об этом думаю. Ведь, в конце концов, даже если и напишет мне какой-то товарищ статью, а стихи не очень или даже очень не понравятся, то статья эта, пусть даже и подписанная громким кем-то, меня, наверное, не спасёт. Вот поэтому сам про себя и пишу. Рисковать так рисковать.

Стихи я сочинял с юности. Девочкам — про любовь, мальчикам — про глупости всякие, о которых не при девочках. На вступительных экзаменах в университет сочинение даже написал в стихах — патриотическое. Правда, меня всё равно завалили, поставив двойку по английскому, — как оказалось впоследствии, не за незнание английского, а за то, что мой отец стал предателем Родины и уехал на ПМЖ в ненавистный всем тогда Израиль. На дни рождения писал какие-то шуточные куплеты. Баловался, одним словом. И серьёзно к собственному творчеству никогда не относился. Да и сейчас, наверное, не очень серьёзно отношусь. Пишу, когда пишется. Правил написания стихов (оказывается, есть и такие) не знаю, поэтому писать — легко. Пишу обо всём и обо всех. Делюсь своим мировоззрением, которого, как оказалось, за пять с лишним десятилетий накопилось. Кто-то говорит, что лучшее средство от депрессии — это творчество. Вот я и борюсь с депрессией, возможно, творя. По-моему, это неплохое решение. Всегда ли я знаю, о чём пишу? Нет. Чаще всего, начиная стихотворение, ещё не знаю, куда оно вырвется. Сам зачастую удивляюсь, перечитав. Исправлять не люблю, хотя иногда это делаю. Говорят, Пушкин правил тысячу раз, прежде чем выносил в народ. Ну, дак то Пушкин. И времена были другие, строгие, и цензура, и сам царь Николай тоже их читал. А я всё же попроще буду, так как не Пушкин и даже не Лермонтов, к сожалению. А может быть, и к счастью. Вон у них как жизнь невесело-то сложилась. Хотя и гении.

Люблю своих читателей. Особо люблю тех, кто смеётся там, где смешно, и плачет, где грустно, или в крайнем случае аплодирует, дослушав стихотворение до конца. Немного меньше люблю тех, кто спрашивает, что я имел в виду, или просит объяснить написанное.

Короткие стишки пишу редко, как-то всё больше среднего размера философские размышления о жизни в стихотворной форме. И книжка потому названа «Короткие пьесы для стихов без оркестра», что это не стишки коротенькие, а драмы какие-никакие, истории, комедии — одним словом, театр. Я когда-то родился и вырос в театре, где отец служил дирижёром. И, видимо, эта театральная атмосфера кулис, гримёрок, оркестра, сцены впитались в меня с молоком жены дирижёра, то есть мамы моей, крепко и надолго. Сидело оно во мне, впитанное и невостребованное, долгие годы и ждало своего времени. И вот, видимо, оно пришло. А как пришло, то потекло из меня, уж извините за натуралистические подробности, и не остановить этого потока никакой цензурой, тем более что её почти нет.

Это мой второй сборник. Первый вышел в 2014 году и уже написан третий. Наверное, займусь им в следующем году.

Хочу сказать, что я всё равно волнуюсь. Стихи (хотите — верьте, хотите — нет) — они как дети. Им уготована жизнь самостоятельная и тебе, как родителю, неподконтрольная. Естественно, хочется, чтобы дети твои, стихи то есть, всем нравились, чтобы их читали,

обсуждали, ругали даже. Лишь бы вызывали они в читателях какие-то эмоции. И тогда волноваться за них не нужно будет. Пусть гуляют по свету и ищут своих поклонников или поклонниц, что даже ещё лучше.

Вот, пожалуй, всё и сказал. Не буду задерживать внимание того, кто держит мой сборник, и дам ему возможность углубиться в содержание. Надеюсь, что каждый здесь что-то найдёт для себя. Личное, трогательное, ему одному понятное, цепляющееся за душу. Пусть в каждом что-то проснётся, отзовётся струной, напомним о чём-то или о ком-то, заставит сопереживать прочитанному. Даже если захочется обогатить какой-то стих своим собственным замыслом, своей трактовкой — я не в накладе. Читайте только, радуйтесь. Книга толстая. А я уж и за следующую скоро возьмусь.

Всем огромное нечеловеческое спасибо.

Приятной экскурсии по моему театру «для стихов без оркестра» и до скорых встреч в новых сборниках.

Искренне надеющийся и ваш

Автор.

ПРОЛОГ

пролог

Как хорошо

Как хорошо, проснувшись рано поутру,
Не сразу встать, валяться, нежиться чуть-чуть,
Уже потом нырнуть в бездонную дыру,
В обычных дел всепоглощающую муть.

Как это здорово, что можно съесть пирог
И замереть от моря вкусовых наград,
Дивясь тому, что кто-то это сделать смог,
А ты не сделал, но вкусил — и тоже рад.

Какое счастье: нам подарены глаза,
И мы без всяческих усилий иногда
Увидеть можем, как ругается гроза,
Ползёт змея и как приходят поезда.

Какое чудо: внуки в жизни нашей есть,
Они как дети, только лучше в тыщу раз,
Их часто хочется, как шоколадку, съесть
И провалиться в небо их безмерных глаз.

Как восхитительно, что каждый так рождён,
Что отличается от множества других,
И в мир приносит что-то новенькое он,
Какой-то звук, какой-то смысл, какой-то стих.

И кстати, знаете, среди нас стихи живут?
Они, как странница-комета, спрессовав
В себе пространства, нас пронзают, не дают
Заснуть, застыть и... разувериться, устав.

Как это мило: ноги есть, и мы идём
Туда, где ждут, а иногда не ждёт никто,
И как же вкусно целоваться под дождём,
Не замечая насквозь мокрое пальто.

Как это ценно: мы умеем забывать
И смерть, и боль, и раздраженья, и печаль
И снова можем от души поохотать
В той новой жизни, где себя совсем не жаль.

Как потрясающе! Нам с вами жизнь дана,
Казан, бурлящий лавой бешеных страстей,
Как ни пытайся, ты не доплывёшь до дна,
Не съешь, не выпьешь всё, не встретишь всех гостей.

Давайте праздновать с утра... и без конца,
Без угрызения, сомнения, без зла,
Не омрачаясь выражением лица,
Как будто нету отпущения козла.

И так легко промчимся жизненной стрелой,
Оставим след в словах и запах в волосах
И, возвратясь к отметке новой, нулевой,
Растаем звуком мелодичным в небесах.

Игры для взрослых

Это такая игра, холодно или жара,
Двое, друг друга склонив, мчатся на санках в обрыв,
Это опасный заезд, в каске ты или же без.
Стонет желанье доплыть, трудно его зачехлить,
Инеем выпадет дрожь, но всё равно не поймёшь
Всех испытаний души, хоть ты её искроши.
Тело волнуется раз, колет, как дикообраз,
Тело волнуется два, где ты: со мною, жива?
Тело волнуется три, в зеркало наше смотри,
В нём веселится гроза, против мы или же за?!
Нет ни часов, ни минут, где мы и как нас зовут,
Кто и зачем нас нашёл? Кожи податливый шёлк
Тянется властно к руке. Тающий звук вдалеке
Или звучит в голове, я распластался в траве,
Может, я даже трава, и не моя голова?
Только пульсирует звон, мир обнимающий стон,
Двое, нырнувшие в звук, с жадностью вечных разлук,
Жертвы вселенской зимы, вместе в берлоге... и сны.
Вихрем взметают слова, жив ли я, ты ли — жива?..
Это такая игра: в сладком поту до утра
Плавать, у ночи в тени, прячась в руках простыни,
С острой щемящей мольбой, чтоб не отхлынул прибор,
Солнце не вышло опять! Нужно рассвет задержать!
Вновь из обкусанных губ звука не вырвется труб,
И, в волосах утонув, ты, безмятежно вздохнув,
Скажешь: спасибо, Орфей, песней небесной своей
Ты напитал и меня, тайной святого огня.
И, бездыханно упав, станешь Царицею трав,
Мыслью ночных фонарей, памятью птиц и зверей,
Духом волнующих снов и потрясеньем основ.
Это — такая игра. Знать, что ещё не пора,
И, захлебнувшись слезой, молнией стать и грозой,
Светом и тьмой, через раз, взрывом искрящихся глаз.
Горе и счастье взаплёб... Раб, измождённый холоп.
Вечный огонь... Мерзлота... Смерть... Тишина... Пустота...

Коммунальная жизнь

У нас внутри у каждого квартира коммунальная,
соседей там немерено, живут одной семьёй,
Целуются-милуются, улыбочка банальная,
при встречах, мило кланяясь, ругают за спиной.
Там Бах рождает музыку, Шекспир же правит драмами,
а проститут-политики готовы нас продать,
Бандиты и убийцы там, мелькают голограммами,
и ангелы-спасители, что учат нас летать.
Хозяюшки прилежные, неряхи невозможные,
мальчишки хулиганские соседям окна бьют,
Коварные растлители, гадюки осторожные,
монашки и затворницы псалмы всю ночь поют.
Соседствуют, стараются, костюмами меняются,
и маски не побрезгуют украсть да подменить,
Волчина кровожадная овечкой притворяется,
упрятав зубы острые, чтоб паинькой прослыть.
И в этой какофонии характер закаляется,
там сущность проявляется, сквозит через костюм,
Шкворчит, гуляет варево и ядом испаряется...
Я б ни за что не сунулся в кипящий этот трюм.
И каждый день решаем мы: кого пустить на пастбище,
чтоб напился досыта, кому — голодный пост,
Наевшийся-набравшийся несёт других на кладбище,
главенствует, щетинится и распускает хвост.
Каким-то странным образом соседи — уживаются:
кто спит, кто развлекается, кто в думах о своём,
Хотя, когда решение любое принимается,
у них содом с гоморрою и сумасшедший дом.
И каждый там Конфуцио, и хор-многоголосица,
и мудрость бурно плещется, вздымая берега,
До неба утомлённого их голоса доносятся,
а долг священный каждого — перебороть врага.
Вот свора коммунальная взметнётся вихрем бешеным,
промчится, успокоится — завалы разберут.
И снова миром временным, едва уравновешенным,
до урагана нового в полдружбы заживут.
Внутри у нас у каждого квартиры коммунальные,
там сосуществование — всегда на пять минут,
Не спрячешь всех в намордники да в цепи радикальные:
они тебя, озлобившись, на части и порвут.